

Доктор Малаховский

В Томском мединституте он слыл чудаком, звёзд с неба не хватал, за пятёрками не гнался. Однако на третьем курсе он уже неделями не вылезал из библиотеки.

Злоключения тех лет его не смущали. Никто студенту не помогал — жил он на жалкую стипендию. Юрий часто голодал. Зимой ходил в кепке, драповом пиджачке и невероятно стоптанных

ботинках. Нередко, прибегая в общежитие, он бросал с порога:

– Есть хочу, аж губы трясутся...

И все же, нарезав хлеб, он в первую очередь совал ребятам:

– На, Витька! Ешь, Вовка!.

Когда получали дипломы и разъезжались по назначениям, кое-кому прочили радужное будущее, наиболее одарённых (с точки зрения преподавателей) оставили на кафедре. От Малаховского ничего не ждали. И только друзья думали о нём иначе...

Гематология — область медицины, занимающаяся болезнями крови. Говорят, что болезней этих столько, сколько волос на голове. Одни лечению поддаются, а другие неизбежно ведут к гибели.

В гематологии уйма загадок. И неизвестно, сколько пройдёт времени, пока все они будут раскрыты. Да и будут ли раскрыты?. Охотников до этих загадок немало, да не у каждого хватает запала не бросить этой заманчивой и полной тайн области.

Юрий Евгеньевич не сразу «нащупал» эту свою единственную точку, но, когда выбор был сделан, для него кончилась нормальная жизнь.

Нормальная... Здесь нет оговорки. Чтобы не открывать заново Америку, надо точно знать, что успело до тебя сделать человечество. С этого и начал Малаховский. Сон — три-четыре, максимум пять часов в сутки. Остальное время — больница, лаборатория, книги... Люди в кино после работы пошли, телевизор смотрят, а он за письменным столом. Глубокая ночь свалила всех, нигде ни огонька, и во всём доме светится одно-единственное окно — его. Хозяйки неохотно поднимаются чуть свет, а голова Малаховского уже над микроскопом.

Стеллажи его квартиры забиты медицинскими книгами, словарями, журналами, брошюрами. Он выписывает все, что может ему пригодиться. Иностранные статьи читает в переводах и подлинниках. Все, что в мировой литературе известно о болезнях крови, он досконально изучил. Недаром он «с ходу» ставит сложнейшие диагнозы...

Однажды к нему привезли больного ребёнка. После осмотра

он сделал заключение: анемия Фанкони. Анализ костного мозга подтвердил диагноз. Секция врачей-гематологов была «сражена». И не мудрено: в мировой практике описано всего несколько случаев этого редчайшего заболевания.

О способностях Малаховского в диагностике рассказывают почти легенды. Идёт он, например, по улице, осмотрит внимательно человека и говорит: этот страдает болезнями печени, этот мучается с лёгкими, у этого почки в ужасном состоянии. Его друзья пытались проверять такие скороспелые диагнозы — ошибки не было ни разу...

Синтезируя все прочитанное, сравнивая все записи наблюдений за больными, он испытывает свою методику лечения, он меняет дозы лечебных препаратов, сроки операций, ведёт исследование, делает обобщения. Он врачует так, как в лучших клиниках страны и за границей.

Более тридцати работ Малаховского по актуальным вопросам болезней крови напечатаны в медицинских журналах, и каждая внесла что-то новое. К его методам лечения прислушиваются и перенимают их не только в нашей стране, но и за рубежом.

Темой диссертации Юрий Евгеньевич избрал болезнь Верльгофа. Защитил её с блеском. Работу эту рекомендовали для докторской диссертации. И не случайно. Самым эффективным методом лечения болезни Верльгофа до сих пор считалось оперативное вмешательство (удаление селезёнки). Малаховский, обследовав и вылечив более семидесяти детей, доказал, что главный метод лечения — консервативный. Операция же делается в исключительных случаях. Это спасёт не одну жизнь. Ведь не всегда безопасно вторгаться в детский организм...

Он вечно торопится и очень дорожит минутой. Время для него — решающий фактор. Раньше он обожал поезда, теперь только летает самолётом. К телеграфу, телефону, такси — ко всему, что может сэкономить для него минуту, он относится с уважением. Достаточно сказать, что время отпусков за все последние годы он ни разу не использовал для отдыха. Дождавшись отпуска, он садится в самолёт и летит в Москву, в клинику к патриарху гематологии — учёному с мировым именем И. А. Кассир-

192

скому. И работает там до одури, забыв о театрах, выставках, обо всех столичных «новинках» и развлечениях. А если не в Москву, так в детский санаторий. Опять — работать.

Когда администрация больницы предложила ему стать заведующим детским гематологическим отделением, он пришёл в недоумение:

– Подумать только! Меня — в замы? Да какой из меня заведующий! Не гожусь! Тут нужна другая величина.

А потом выяснилось, что он обладает немалыми организаторскими способностями.

С нянями и сёстрами он тактичен до щепетильности. Всем детям, которых лечит, он любящий отец. И они тянутся к нему как к родному; увидев, просят:

– Юрь Евгеньич, подержите меня на руках.

Если какому-нибудь ребенку тяжело, он ни за что не уйдёт домой. Будет сидеть до полуночи, а то и до утра. Он сдавал для своих маленьких пациентов кровь, покупал для них в трудное время на собственные деньги антибиотики. А сколько раз спешил на почтайт — и в дождь, и в мороз, чтобы срочно позвонить в Москву, посоветоваться...

Но он бывает и другим. Если врач допустил халатность, равнодушие, он приходит в негодование. Случается, что и накричит... На него, правда, не обижаются: знают — отойдёт, зла не затаит. Да если и ругал — значит, за дело.

Спирина Н. В. Право на уважение. — Кемерово, 1973.